А. В. ПЫЛЬЦЫН

ОТКРОВЕННЫЕ ДИАЛОГИ О ШТРАФНИКАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Александр Пыльцын

Откровенные диалоги о штрафниках Великой Отечественной

«Нордмедиздат»
2017

Пыльцын А. В.

Откровенные диалоги о штрафниках Великой Отечественной / А. В. Пыльцын — «Нордмедиздат», 2017

ISBN 978-5-94422-045-5

Появление на книжном рынке книг А.В. Пыльцына о реальном 8-м штрафбате с конкретными историческими датами, личностями и правдивыми событиями, вызвало в своё время интерес наших телевизионных СМИ. Начиная с 2005 года съёмочные группы более 15 видеосайтов и телеканалов брали интервью у человека, прошедшего свою часть войны в штрафбате на командных должностях. Многие из них, например, телеканалы «Останкино», «Культура», МНТК «МИР» и другие, на основе интервью с ним сделали добротные документальные фильмы об этом штрафбате. Некоторые видеоинтервью на части телеканалов были «купированы», из них были удалены фрагменты, противоречащие точке зрения руководителей этих теле-СМИ. Отдельные видеоинтервью, не подвергшиеся «обработке» на телеканалах, в текстуальном варианте предлагаются читателям в этом сборнике.

ISBN 978-5-94422-045-5

© Пыльцын А. В., 2017
© Нордмедиздат, 2017

Содержание

Пролог к сборнику текстов интервью и бесед 6
Как ШтрафБАТЯ дошёл до Берлина. Интервью газете «Телескоп» № 19 09.05.2003 г. Майя Александрова 12
Во что бы то ни стало 13
Война и женщина 14
«Мы живем долго для того, чтобы успеть рассказать правду». Интервью газете «Объектив-Но» № 35 (148) 28.08.2003 г. Харьков, Н. Стативко. 16
Расскажите, генерал, о войне. Интервью газете «Московская застава» Муниципального округа СПб. Май 2007. Светлана Задулина 19
«Неправильно задаешь вопрос, лейтенант!» 20
Переправа, переправа… 23
Слава Богу, что меня убило, а не утонул 24
Легендарный рейд штрафбата. Освободители Рогачёва. Интервью Белорусскому Столичному ТВ. Февраль 2009 26
А завтра была война. Интервью газете «Площадь труда», Санкт-Петербург. 18 июня 2009 г. Светлана Ульянова 34
После школьного бала 35
Назначение 36
8-й ОШБ офицерский штрафной 37
О сроках 38
Об взаимном обращении 41
Откровенно о проблеме штрафных батальонов. Интервью Санкт-Петербургскому «Историческому клубу». Май, 2010 г. Доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор Андрей Вассоевич 42
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Александр Пыльцын
Откровенные диалоги о штрафниках Великой Отечественной

© Пыльцын Александр Васильевич, 2017
© Центр современной литературы и книги на Васильевском, 2017

Пролог к сборнику текстов интервью и бесед

Всем, кто знаком с приказом НКО СССР № 227 от 28 июля 1942 года, получившем народное название «Приказ Сталина: «Ни шагу назад», вероятно, известна строгая установка того времени о запрещении каких-либо публикаций о создаваемых сим приказом штрафных батальонов и рот, заградительных отрядов. Естественно, что в период их существования и долгое время после войны ни в каких печатных, радио- или экранных СМИ официальных публикаций каких-либо документальных данных о них не было.

С наступлением горбачёвской «гласности» о штрафных частях и подразделениях, как и о заградотрядах, стало возможно говорить, писать, снимать кино и прочая. Но отсутствие открытых официальных документов о них порождало лишь слухи, догадки и домыслы, которые, попадая в сферу действий людей, владеющих пером или, тем более, съёмочной аппаратурой, засорялись уже вымыслами, нечистоплотной фантазией, а то и, ссылаясь на право авторского видения изображаемых событий, порой не только обрастали неправдой, но и просто тонули в умышленной грязной лжи с целью опорочить и сам факт создания этих воинских организаций, и их применение в бою.

В художественных произведениях, в романах, повестях известных писателей эта «штрафная» тема штрафбатов и штрафных рот, несмотря на архивно-документальную закрытость, пробивала дорогу к читателю. Ещё в 1959 году в повести «Пядь земли» Григорий Бакланов упоминал о событиях, связанных со штрафбатом, а Юрий Бондарев в повести «Тишина» (1962 год) и Константин Симонов в том же году во второй части своей трилогии «Живые и мёртвые» («Солдатами не рождаются») вводят в свои произведения героев из штрафников. В середине 70-х годов в «Роман-газете» (тираж более 1 млн экз) Герой Советского Союза Владимир Карпов в повести «Взять живым» рассказывал о штрафной роте, в которой ему самому довелось «смывать вину». Так что запрета на упоминание вообще штрафных подразделений за время войны как такового не было. Были закрыты для публикаций только конкретные данные о конкретных штрафных частях Красной Армии.

Самой первой открытой и наиболее правдивой публикацией в это время оказался рассказ известной журналистки Инны Руденко «Военно-полевой роман» о не вымышленном, а реальном 8-м штрафном батальоне 1-го Белорусского фронта, опубликованный в Комсомольской Правде 19 января 1985 г. Употребляя выражение «наиболее правдивый», я в данном случае специально не обращаю внимания на допущенные в этом рассказе отклонения от реальности обеими женщинами, царство им небесное, – Инной Павловной Руденко и моей первой супругой Маргаритой Сергеевной Пыльцыной. Речь идёт о нескольких, мягко говоря «неточностях» не только о маршале Рокоссовском и известной киноактрисе Серовой.

Мне не один раз уже приходилось критиковать в своих публикациях некоторых кинематографистов и писателей, не за допущение досадных «неточностей», но, главным образом за то, что своим «творчеством» они умышленно и злостно искажали историческую правду о Великой Отечественной войне, особенно о штрафбатах и заградотрядах. Наряду с Львом Даниловым, выпустившим в ЦСДФ клеветнический «документальный» фильм «Штрафники. (Сюжеты из приказа № 227)», в том же 1989 году на Одесской киностудии выходит уже «художественный» фильм по сценарию М. Симашко «Гу-га».

То, видимо, были «пробные камешки» горбачёвско-ельцинской «гласности» по «дегероизации» и «десталинизации» Великой Отечественной войны, «обличении» её в «сталинской пропаганде» и фальсификации.

Критика этих киноподелок передовым отрядом настоящих военных историков и представителей нашего, увы, доживающего свой век поколения победителей, заглушённая фаль-

сификаторами, захватившими российские СМИ, наша критика им как об стенку горох. Хотя основная масса фальсификаторов, «разоблачателей» и «обличителей» даже по возрасту своему, как принято в таких случаях говорить, «не нюхала пороху», не обладает фактическим представлением о штрафбатах или заградотрядах. Этих «обличителей» едва ли нам удастся переубедить, они «запрограммированы» на враньё, не считают нужным хоть сколько-нибудь подкреплять свои утверждения ссылками на документы.

Результатом попустительства этого разгула «десоветизации» стала многолетняя «работа» маститых фальсификаторов Володарского и Досталя под крылом Минкультуры и Союза кинематографистов над многосерийным «художественным» детищем антисоветчиков, скандально известным 11-серийным «Штрафбатом».

Используя архивные материалы, документы и свидетельства авторитетных участников войны, нам, реально видевшим войну, всё-таки иногда удастся отделить «зёрна от плевел», правду от вымысла в интересах тех, кто хочет знать истинные данные о штрафных батальонах и ротах, о заградотрядах. В последнее время значительно уменьшился прокат этой нечистоплотной антиисторической киногрязи.

Юрий Бондарев, Герой Соцтруда, многократный лауреат Государственных и Ленинской премий СССР, известный военный прозаик и сценарист многих исторически правдивых фильмов о Великой Отечественной войне воевал и на Сталинградском, и на 4-м Украинском фронтах. Едва ли найдётся хоть один сомневающийся в его правдивости и честности человек, но пусть и эти его слова будут известны читателю: «Когда мы драпали, заградчики нас останавливали, собирали, велели занять оборону, но ни единого выстрела никто из них не сделал. В этом я клянусь».

Многие другие русские писатели и поэты, прошедшие фронты Великой Отечественной, после войны посвятили свою жизнь борьбе за правду о ней на литературном фронте. Всем известны имена Ф. Абрамова, С. Бабаевского, В. Богомолова, В. Бушина, Ю. Друниной, Э. Казакевича, С. Смирнова, К. Симонова, М. Шолохова и не одного десятка других талантливых тружеников пера. Но ни один из них не взялся освящать особенности боевых действий штрафников или воинов заградотрядов, поскольку их фронтовая судьба прошла мимо этих малоизвестных подразделений, а их высокого уровня честность не позволила им опуститься до выдумывания небылиц.

Надо отметить, что в послевоенное время сформировалась большая группа военных историков, честно и правдиво освещающих историю Великой Отечественной. Среди них – пользующиеся огромным уважением не только в обществе военных всех рангов, Президент Академии военных наук, доктор военно-исторических наук генерал армии Махмут Гареев, которому, как и мне, в этом году исполняется 94 года, и Президент Академии геополитических проблем, доктор исторических наук, генерал-полковник Леонид Ивашов. Приходится удивляться тому, что не кто-нибудь из них назначен председателем вновь созданного Президентом РФ «Российского военно-исторического общества», а министр культуры, сугубо гражданский человек, Владимир Мединский, допустивший уже несколько антиисторических действий, в том числе установки и открытия мемориальной доски в Санкт-Петербурге финскому организатору блокады Ленинграда Маннергейму.

Однако ни генералы Гареев или Ивашов, ни другие военные историки, например В. Дайнес, Ю. Жуков, В. Золотарёв. А. Исаев, М. Мягков, И. Пыхалов, Ю. Рубцов и другие, глубоко изучающие историю минувшей более 70 лет тому назад Великой войны по архивным документам, не нашли поводов сомневаться в их истинности и правдивости, как делают это липовые «историки» типа Суворова-Резуна, Сванидзе, Млечина и им подобные.

Наряду с ними появились такого же пошиба «поэты», стихотворные строки которых иногда действуют на сознание послевоенных поколений даже более вредно, чем целые книги или фильмы фальсификаторов. Они «неотступно» видят вместо героики Великой Отечественной сплошные заградотряды, **особенно за штрафниками**.

Ради истины скажем, что версию о заградотрядах при штрафниках запустила во время войны геббельсовская пропаганда, а позднее эта версия использовалась в определённых интересах фальсификаторами нашей военной истории, либо была некоторыми принята на веру по незнанию истории Великой Отечественной. Но самый большой вред, считаю, нанесли сознательные и «умелые» лгуны – «писатели», «поэты», некоторые кинодеятели.

Так, например, Ю. Арестов (рожд. в 1961 г., живет в г. Рогачев, Беларусь) утверждает: *«И неотступно с нами рядом, / Неотвратимый смерти глаз, / Ведь позади заградотрядом / Наведены стволы на нас».*

Или некто Д. Дарин (род. в 1964 г., живет в Санкт-Петербурге) убеждает: *«А до заградотряда/ Одна спина всего».* Ну, почти прямо в спину, в упор!

Есть ещё более одиозный русофоб и ненавистник всего русского Ю. Нестеренко (род. в 1972 г., Москва. В 2010 году эмигрировал из России в США, где в 2011 году получил политическое убежище), истеричный кликуша, который называет себя по образцу «афроамериканцев» ***русскоязычным американцем***, «более не считающим себя русским». *«На нашей улице – не праздник./Мы проиграли ту войну».* Его позиция: *«Россия – это зло в его чистом, беспримесном виде».* В русофобских воплях Нестеренко наша Великая Отечественная и Победа у него *«так называемые»,* и пишет он их специально строчными буквами. Русское общество для него *«Твари. Мерзкие двуногие твари. Ненавижу их… Насколько чище был бы мир без них… Все, что они умеют – это жрать, гадить и размножаться… А до чего наглые! Даже и не думают уходить с дороги. Лезут прямо под колеса. Тупые наглые гнусные твари».*

Да был ли он когда-нибудь русским, этот нестеренко, тоже со строчной буквы? Мир чище был бы именно без таких, как он! В его серии «антипобедных» стихов всё те же заградотряды*: «И взрывы бомб не так страшны,/ Как меткий взгляд заградотрядов,/ В тебя упертый со спины».*

Когда так «упёрто» твердят о заградотрядах, то надо представить, каковы должны быть их численность и вооружение? Ведь чтобы остановить, а уж тем более открыть огонь по отступающему полку, дивизии или даже штрафбату надо иметь сил больше, чем у них. В таком случае не исключено, что отступающие ответят огнём на огонь, а штрафники от них бы и «мокрого места» не оставили! Да и пока заградчики будут расстреливать отступающую часть, они неизбежно встретятся с наступающим противником. Получается, что эти надуманные заградотряды должны быть сильнее своих войск и даже сильнее наступающих немецких частей, ибо в противном случае и они будут уничтожены наступающим неприятелем.

Подытожив такие предположения, можно прийти к совершенно фантасмагорическому бреду: суммарно заградотряды должны и в численности, и в вооружении превосходить все наши воюющие фронтовые войска. Это похоже на другой миф о том, что «в СССР одна половина населения сидела в ГУЛАГе, другая её охраняла».

После моих первых книг о штрафбатах средства массовой информации (и не только России) стали проявлять определённый интерес к моим публикациям.

В Литературной Газете № 11 (6362) 21.03. 2012 Софья Андреева в статье «Ратоборцы. Победа не любой ценой» по поводу выхода моей книги «Штрафбат в бою от Сталинграда до Берлина без заградотрядов» отметила: *«Эту книгу написал человек, которому… выпало служить в 8-м отдельном штрафном офицерском батальоне 1-го Белорусского фронта. И*

никаких заградотрядов, о чём многие хулители нашей военной истории говорят и пишут, не было, а была вера в то, что эти бывшие офицеры, хотя и провинившиеся в чём-то перед Родиной, остались честными советскими людьми и готовы своей отвагой и героизмом искупить вину».

Периодически помещали мои статьи газеты «Правда», «Советская Россия», «Красная Звезда» и другие центральные и местные газеты и журналы, вплоть до дальневосточной «Тихоокеанской Звезды».

После того, как на Зауральской студии «Отражение» режиссёр Александр Голубкин по моим книгам сделал док. фильм «ШТРАФБАТЯ», получивший широкую известность и Гран-при на международном фестивале, моим штрафбатовским опытом заинтересовались не только государственные телевизионные каналы. Так, начиная с 2005 года, у меня побывали съёмочные группы 15 телеканалов, в том числе «Останкино», Белорусского столичного ТВ. Телеканал «Культура» сделал добротный док. фильм о нашем штрафбате «Моя великая война», а вот «НТВ», бравшее интервью у ветеранов войны из числа бывших воинов штрафбата из серии АЛТАРЬ ПОБЕДЫ (фильм 20-й ШТРАФБАТ), недобросовестно отнёсся к рассказам участников привлечённых ими персонажей, дезавуировав высказанную ими правду ложными утверждениями актёров, годящихся по возрасту ветеранам во внуки. Другое интервью для НТВ к фильму «Правда о Штрафбатах» (2010 г.) так и не было показано, потому что наиболее жесткие критические моменты фильма, изобличающие современную антисоветскую пропаганду, были по нашему настоянию изъяты.

Примерно такого же рода замечания можно сделать и в адрес Центральной студии документальных фильмов (ЦСДФ), сделавшей видеозапись для д.ф. ШТРАФНАЯ ДУША.

Перечисляя дальше телеканалы, остановимся на МНТК МИР «Секретные материалы», ПОМНИ ВОЙНУ и ШТРАФНОЙ УДАР (часть 1 из 2), а также на студии «АПН-Северо-Запад», бравшей интервью о мемориальной доске Маннергейму в бывшем блокадном Ленинграде.

Я уже не говорю об оскандалившемся «режиссёре» Кирилле Набутове, который вёл на 1-м канале серию шоу-фильмов «Пока не поздно». Когда он из небылиц, порождённых его весьма скудным представлением об истории Великой Отечественной и полным отсутствием уважения к ветеранам войны, соорудил антиисторическое кино-непотребство под видом 60-го из своей серии фильма: «ШТРАФБАТ. СЕКРЕТНЫЙ БАТАЛЬОН», я вынужден был резким своим письмом обратить внимание руководства Первого канала на полную профнепригодность Набутова, и серия эта была, слава Богу, закрыта.

Меня, честно говоря, несколько удивляло упорное безразличие к теме штрафных батальонов и рот нашего российского телеканала «Звезда», по названию, репертуару кинопоказа и по служебной иерархии относящееся, как газета «Красная Звезда» и другие армейские эфирные и печатные СМИ, к Минобороны РФ.

Но вот, кажется и их «задело». В феврале 2017 года предварительно созвонившись, ко мне со «Звезды» приехала съёмочная группа. Со слов её руководительницы Натальи Ким, они прибыли с двуединой задачей: взять интервью для нового док. фильма о генерале Горбатове и для проектирующегося на телеканале фильма о штрафбатах или штрафниках. Судя по всему, результатами своей работы они были довольны, что и подтвердила потом в своих письмах Наталья Ким.

Первое письмо: *Александр Васильевич! Хочу выразить Вам огромное восхищение! Желаю Вам и Вашим близким крепкого здоровья и всего самого наилучшего! Спасибо Вам! Наталья Ким.*

Из реплик Натальи я понял, что в обоих фильмах ведущим будет популярный певец Миньков Александр Витальевич с весьма звучным псевдонимом **Александр Маршал**. В его творчестве военная тема занимает особое место. В авторском и исполнительском арсенале Александра много песен, посвященных войне и военной службе. Он член Общественного совета при Министерстве обороны РФ, входит в состав Общественного совета при Следственном комитете РФ. Ведет радиопередачу, посвященную армии, у неё очень высокий рейтинг. На телеканале «Звезда» ведет цикл программ «Легенды армии». К одному из таких фильмов о генерале Горбатове телеканал «Звезда», впервые на фоне активности многих других телеканалов, попросил у меня интервью, так как штрафбат, в котором мне довелось провести офицером комсостава полтора года, одно время воевал в составе 3-й Армии генерала Горбатова.

У меня творчество Александра всегда вызывало весьма положительные эмоции, однако моё «штрафбатовское ухо» резанули несколько строк из его песни о 13-м штрафбате:

Но мы шагали во весь рост,
Ведь нам нельзя – мы штрафники.
...
И шли по минным по полям
Чтоб кровью правду искупить…

Зная немного и ценя творчество певца, но не соглашаясь с такими пассажами его песни, я попросил передать ему в дар мою последнюю книгу издания 2015 года «ШТРАФБАТ, НАКАЗАНИЕ, ИСКУПЛЕНИЕ» с дарственной надписью, надеясь на его понимание того, что его представление о штрафбате ошибочно и навеяно кем-то из авторов типа Володарского. Из уважения к Александру-творцу и в надежде, что, прочтя мою книгу о реальном штрафбате, он скорректирует неправедные строки в своей песне, вот уже более полгода жду от него не то чтобы изменения своего мнения о штрафбатах, сложившегося, наверное, под внушением кого-то из «искателей» правды.

Кто Вам, Александр, внушил, что там не разрешали идти в атаку иначе, чем «во весь рост», и только «за правду» штрафники страдали, а не было среди них ни струсивших, ни ворующих, ни драчунов или хулиганов, ни погубивших зря боевую технику или прятавшихся на оккупированной врагом территории от партизанской борьбы с ним и т. п.?

Второе письмо от Наташи Ким:

Александр Васильевич, здравствуйте!

Пока **фильмы с Вашим участием в монтаже**. Как только будет известно, я сразу же Вам напишу или позвоню.

Книги Александру Маршалу передали сразу по приезду.

Исходные материалы я Вам перешлю в ближайшее время!

Наталья 24.02.17

Однако автор подаренной книги генерал Пыльцын от «Маршала Минькова» даже элементарного «спасибо» за подарок не дождался, а очень милая Наташа Ким по каким-то причинам надолго одно время перестала отвечать на мои запросы, и о «монтаже» больше ни слова. Видимо, и на этом военном телеканале есть силы, которые не преодолеть и правде, если она не совпадает с мнениями влиятельных на нём лиц.

Я не ставлю Александра с таким звучным псевдонимом в ряд со злобными фальсификаторами, как упомянутые выше Арестов и Нестеренко. Оказывается, есть и другие, на мой

взгляд, тоже талантливые поэты-исполнители, как бы помягче выразиться, либо поверившие каким-то байкам, либо отдельным недобросовестным фильмам «маститых мастеров кино», на тему штрафных формирований, но в своих произведениях так или иначе ставшие по ту сторону баррикад.

Так некто В. Воронцов, именуемый себя «Графъ», откровенно признаёт, что поверил Володарскому и написал: *«Идут давно штрафные роты,/ И по шоссе, и по болоту./ Ползут десантник и моряк,/ В кустах их ждал заградотряд*/.

Примеров подобных отклонений от истины многих авторов, искажённо представляющих уже более 70 лет ушедшую в историю большую и тяжёлую войну, можно приводить много.

Но предлагаемые читателю в этой книге тексты некоторых видео- и пресс-интервью различным печатным и телеСМИ, надеюсь, дополнят правдивое представление читателей о той непростой войне, какой была Великая Отечественная, о некогда закрытой, а потому и породившей всякие недобросовестные, а порой и злостные выдумки об особенностях боевого использования штрафных батальонов и армейских штрафных рот. Конечно же, и о заградотрядах, чей действительный период применения на фронтах оказался значительно короче, чем у некоторых штрафных формирований, что лишний раз доказывает: образованные одним приказом «Ни шагу назад», они не создавались специально друг для друга.

Как ШтрафБАТЯ дошёл до Берлина. Интервью газете «Телескоп» № 19 09.05.2003 г. Майя Александрова

Говорят, тот не познал счастья, кто не прошел войну, любовь и нищету.

Если эта фраза верна, то Александру Васильевичу Пыльцыну судьба отвесила более чем. Воевать – так в штрафбате. Любить – так всю жизнь. Быть нищим? Ну, так в масштабах всей страны. И, что характерно, мальчик Саша, как и миллионы его сверстников, отнюдь не мечтал о ТАКОЙ полноте бытия. Хотел стать железнодорожником и продолжить семейную традицию в родном городе Облучье. Однако планы совпадали с реальностью недолго. Десятый класс юный Александр закончил в 1941 году, за два дня до ставшей роковой для всей страны даты – 22 июня. Вскоре будущий командир взвода в штрафбате (впоследствии подчиненные любовно назовут его «Штрафбатя») трясся в военном эшелоне – в качестве рядового-добровольца.

Во что бы то ни стало

– Александр Васильевич, за что вас в штрафбат?

– Вот и я спросил: «За что?» Решил, что это связано с репрессированным отцом. Но майор в штабе поправил: «Не “за что”, а “зачем”. Будешь помогать штрафникам искупать их преступления перед Родиной». Штрафными подразделениями должны были командовать кадровые военные.

– «Штрафбат» и «смертный приговор» – синонимы?

– Все зависело от непосредственного командующего армией, от продуманности операции. Например, в начале 1944 года наш батальон (около 800 человек) под командованием генерала Горбатова во время тылового рейда в направлении города Рогачева (Гомельская обл.) создал условия для успешного наступления основных сил и потерял убитыми всего 15 человек. После почти всех участников операции восстановили в званиях и вернули прежние награды независимо от того, были они ранены или нет.

А были случаи, когда выживали единицы – как в операции под руководством генерала Батова в октябре 1944 года в Польше.

В самом начале Берлинской операции – 16 апреля 1945 года – перед нашим батальоном поставили задачу отвлечь внимание от основных сил при форсировании Одера. Мы переправлялись без поддержки авиации, под непрекращающимся обстрелом. Лодки из плохо просушенного дерева стали тонуть. Штрафники бросались в ледяную воду и плыли, держась за борта. У меня в роте было 120 человек, а на тот берег высадилось чуть больше двадцати. Меня ранило. Потом узнал, что из бравших плацдарм остались живыми и невредимыми всего четыре человека.

– Пережить такую «мясорубку» – это вопрос везения или профессиональной подготовки?

– На войне вообще трудно сказать, кому удастся выжить, а кому нет. Вот перед форсированием Одера попал к нам летчик, капитан Смешной. Он во что бы то ни стало решил остаться в живых. Тренировался до изнеможения, научился стрелять из автомата, пулемета, противотанкового ружья, даже трофейные «фаустпатроны» освоил. Выжил в холодной воде Одера и повел за собой бойцов. Приобретенные им умения определили исход битвы – он ранил немецкого фаустника, захватил вражеское оружие и уничтожил им два танка. Но сам был убит во время следующей атаки тем самым фашистом, которого оставил в живых. Капитана Смешного я пытался представить к званию Героя Советского Союза, посмертно. Не получилось.

Война и женщина

– Война, мне кажется, не располагает к большим чувствам. Там бы выжить…

– А у меня на фронте любовь была. С Ритой Макарьевской мы познакомились в Уфе, она в эвакуации была, я в запасной дивизии служил. Потом попали на один фронт – это везение. Иначе вряд ли мы были бы вместе. Сначала переписывались, один раз мне удалось съездить к ней, один раз – ей ко мне. А потом Рита перевелась из своего госпиталя в медпункт штрафного батальона. Вообще-то женщинам в штрафбатах служить было нельзя категорически, но моя жена получила разрешение комбата.

– Походно-полевые жены на фронте – обычное дело?

– У нас в батальоне их не было. Бывали случаи, как говорят, «зов плоти». Способы удовлетворить его искали и мужчины, и женщины. Большую роль в отношениях играла жалость к мужикам, которые на фронте несколько лет не видели женской ласки: «Мол, будь что будет, может, ему больше и не придется этого испытать».

– А как сложились ваши отношения с Ритой после войны?

– Мы прожили вместе 52 года, день в день. 14 декабря 1996 года я ее похоронил. Война нас догоняет…

– В советские времена вы не задумывались, что кое-где жизнь может быть лучше?

– Мы не строили планов, будут ли деньги при коммунизме, будет ли вообще коммунизм. Это теперь, издалека, можно критически оценивать то время. Во всяком случае, мы считали, что завоевали жизнь достойную, и жили, считая, что живем достойно. А про нынешние времена можно много говорить. Недавно на остановке познакомился с ветераном. Знаете, как он существует? Покупает, например, кости на бульон и варит их неделю. Приготовил бульон, съел – кости в холодильник. На следующий день из них же опять готовит суп. И так далее. Мы мечтали жить достойно, а живем… как получается. Но мне кажется, что я живу так долго, чтобы донести правду о войне…

P.S. Книга Александра Васильевича Пыльцына «Штрафной удар, или Как офицерский штрафной батальон дошёл до Берлина» уже готовится к печати в Санкт-Петербурге.

Досье:

Имя: Пыльцын Александр Васильевич.

Воинское звание: генерал-майор.

Родился: в 1923 году в семье железнодорожника на Дальнем Востоке.

Образование: Военно-пехотное училище в Комсомольске-на-Амуре (1942 год, с отличием), Ленинградская военно-транспортная академия (1950–1955 гг., красный диплом).

Военные будни: с декабря 1943 года – командир взвода в Восьмом Отдельном штрафном батальоне 1-го Белорусского фронта, с октября 1944 года – командир роты там же.

Мирные будни: служба в воздушно-десантных и автомобильных войсках, подготовка офицерских кадров для армии в военном училище, а в сентябре 1968 года – назначение в Харьковский автодорожный институт. За полгода сформировал военную кафедру, которой руководил до 1981 года, подготовил и направил на военную службу не одну сотню офицеров.

Военные праздники: 9 мая – День Победы, 28 июля – День приказа «Ни шагу назад», 2 августа – День ВДВ.

Мирные праздники: двое сыновей, три внука, одна внучка и правнучка.

Справка:

Штрафные батальоны (для офицеров) и роты (для рядовых и сержантов) были созданы 28 июля 1942 года по приказу Сталина, известного под названием «Ни шагу назад». Временно разжалованные военнослужащие отбывали в них наказания за уголовные и воинские преступления – «кровью своей или вражеской смывали вину перед Родиной».

Максимальный срок пребывания в штрафном подразделении равнялся трем месяцам (эквивалент десяти лет лишения свободы), но чаще у штрафников было два выхода: или совершить воинский подвиг, или получить ранение. Выжившие направлялись в обычные части, им возвращались прежние звания и награды.

Штрафбаты и штрафроты ставили, как было определено приказом «Ни шагу назад», на «наиболее трудные участки фронта». В связи с этим о них выдумывали всякие легенды и небылицы. Одна из них – «самый известный штрафник – Александр Матросов. Не имея ни гранаты, ни автомата, рядовой был вынужден с голыми руками лезть на вражескую амбразуру».

А.В. Пыльцын: *«Я никогда не был равнодушен»*

«Мы живем долго для того, чтобы успеть рассказать правду». Интервью газете «Объектив-Но» № 35 (148) 28.08.2003 г. Харьков, Н. Стативко.

В российском издательстве «Знание» (Санкт-Петербург) вышла книга генерал-майора Вооруженных сил СССР А.В. Пыльцына «Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина». Или нет, не так. Александр Васильевич Пыльцын, бывший командир взвода и роты 8-го отдельного штрафного батальона 1-го Белорусского Фронта, написал книгу-исповедь об одной из самых замалчиваемых тем Великой Отечественной войны – об офицерском штрафном батальоне. А может быть, даже так: украинский пенсионер в 79 лет сумел не только написать книгу, но и выпустить ее! Не детектив, не «клубничку», не разоблачение – просто честную книгу о войне и о военных судьбах. Наверное, на войне было труднее, но и в мирной сегодняшней жизни найти для этого силы было непросто.

Год назад, когда мы познакомились с Александром Васильевичем – готовили интервью с ним по случаю годовщины приказа Сталина № 227 «Ни шагу назад!», его планы издать эту книгу казались совершенно **невыполнимыми**. Сорок лет о штрафных батальонах говорить было «не рекомендовано». В 64-м Высоцкий написал «В прорыв идут штрафные батальоны»: *...Ведь мы ж не просто так, мы – штрафники. Нам не писать: «Считайте коммунистом».* И это все, что мы знали о штрафбатах Великой Отечественной. Ну, может, тоже из Высоцкого: *«Гуляй, рванина, от рубля и выше!!!»* Об офицерских штрафбатах впервые упомянула «Комсомольская правда» в 1985-м. Только в 1995-м на российском телевидении вышла программа о 8-м Отдельном штрафном батальоне 1-го Белорусского фронта. Через 50 лет после Победы. Через полвека после того, как офицеры-штрафники дошли до Берлина. Но и после этого о штрафбатах всегда писали «вообще», не делая различий между фронтовыми офицерскими штрафными батальонами и армейскими штрафными ротами. А разница была – и огромная! Общей была только принадлежность к штрафникам, да еще то, что на них возлагали самые сложные и самые рискованные боевые задачи. Потери этих формирований в 6 раз превышали средние в обычных войсках. Александр Пыльцын не был «штрафником» – он «помогал штрафникам искупать вину перед Родиной». Но полтора года – от белорусских Жлобина и Рогачёва до Берлина – он прошел рядом с ними. Воевал, отдыхал, командовал, дружил, рисковал… А потом рассказал об этом в своей книге.

– Александр Васильевич, зачем Вы взялись писать эту книгу?

– Зачем написал? Где-то в книге у меня есть такая фраза: «Мы долго живем для того, чтобы успеть рассказать правду о войне». Дело в том, что о штрафных батальонах вообще практически ничего не было известно. Я не знаю, почему замалчивалась эта тема – из идеологических причин или из других соображений. Даже в советской военной энциклопедии о штрафных частях сказано применительно к войскам других стран. А у нас как будто бы их и не было. Поэтому я решил, что должны люди знать, что же это такое. Потому что те публикации, которые время от времени появлялись, были основаны полностью на слухах, на домыслах, на легендах. А здесь я решил рассказать все, как было.

– А для кого Вы ее писали?

– Она адресована и тем, кто интересуется историей войны, и однополчанам, да и молодежи, которая до сих пор не знает, что это такое.

– Вы считаете, молодежь сейчас интересуется той войной?

– Вы знаете, если она не интересуется, то это очень плохо. Надо, чтобы она интересовалась. Потому что забывать прошлое нельзя. Самое большое преступление – это преступ-

ление перед прошлым. Потому что, если не знать прошлого, значит, не видеть и будущего. Будущее без прошлого нельзя построить.

– Ваши внуки читали Вашу книгу?

– Читают. И не только внуки. Уже правнучка читает, ей 13 лет. Я не знаю, может быть, читает именно потому, что это я написал? Но я предполагаю, что ее заинтересует и сама тема. В одной из рецензий на мою книгу рецензент написал, что сейчас, когда спрашиваешь у молодых людей, кто такой Александр Матросов, отвечают: «Наверное, какой-нибудь криминальный авторитет». Даже такие имена уже из истории выкрали! А надо, чтобы они оставались.

– Александр Васильевич, а как Вам удалось издать свою книгу?

– Я пытался издать ее здесь, в Харькове, но у меня ничего не получилось, потому что нужны были колоссальные деньги. Я поехал в Россию. В Ленинграде я учился в академии, у меня там друзей много, знакомых. Когда я им рассказал о том, что мне трудно издать книгу, меня связали с людьми, которые занимаются этим делом. Узнав эту тему, взяли без всяких предварительных условий, издали, и я даже ни копейки не заплатил. И мне в виде гонорара устроили лечение в санатории. Вместо гонорара я получил определенное количество экземпляров книги, которые разослал по России, а теперь рассылаю по Украине – своим друзьям, семьям, оставшимся однополчанам… И еще очень приятно, что книгу не просто издали, но издали быстро. Когда издательство узнало, что боевое крещение, кроме боёв в Сталинградской битве, наш уже полноштатный батальон получил и на Курской дуге, то постарались приурочить книгу к 60-летию этой великой битвы.

– Вы ожидаете каких-то откликов, отзывов? Может быть, изменения отношения общества к этой теме?

– Не знаю, поворот общественного мнения – для меня это слишком много, это очень громко сказано. Я не надеюсь в общественном мнении сделать переворот, хотя на определённые изменения рассчитываю. Во всяком случае, отклики будут, потому что на фоне разнузданного вранья о штрафбатах я говорю правду. И положительные качества, да и некоторые отрицательные черты наших крупных командармов тоже отражены. Я писал правду. Кому-то она не понравится, а кто-то посчитает это верным шагом.

– А вы собираетесь как-то рекламировать свою книгу?

– Я пока не знаю, как это делается… Правда, я получил предложение от издательства в сентябре в Ленинграде на базе Общества «Знание» провести презентацию моей книги, на которую будут приглашены аккредитованные журналисты, военные историки и мои боевые товарищи.

– Поделитесь секретом, где вы берете силы для всего этого?

– Мне в этом году исполнится 80 лет, силы пока еще сохранились. Может быть, секрет в том, что я не был никогда равнодушен в жизни. Вот это неравнодушие меня и подстегивает. В моём возрасте надо успеть сказать правду!

– Вы пережили многое. Можно сказать, что вы прожили несколько жизней – и до войны, и войну, и непростой послевоенный период. Потом распад Советского Союза, и сейчас живете совсем в другой стране. Все-таки когда было лучше?

– Вы знаете, человеку свойственно ностальгировать по молодости. Хотя моя молодость прошла на фронте, в боях, и все-таки… Я об этом пишу в своей книге, но я ностальгирую не по молодости, а по тому великому чувству любви к Родине, которого, к сожалению, у меня сейчас, после развала Союза нет, да и, судя по всему, у молодежи тоже нет.

Генерал-майор Александр Васильевич Пыльцын живет в Харькове. И книгу свою он написал здесь. А вот издать ее удалось только в России. Там пройдет ее презентация. Там она будет продаваться. Это зарубежная книга. В стране, где он живёт, желающих ее напечатать не нашлось. А жаль! Сын Александра Васильевича написал такие стихи: *«Замрите, слушайте, смотрите, ребятишки, / Дыханье затая, став чуткими вдвойне: / Ведь вы последние девчонки и мальчишки, / Которым суждено услышать о войне.* А сам отец, генерал Пыльцын, добавил: ***От тех, кто сам все это вынес, / Кто видел смерть, но победил…***

Расскажите, генерал, о войне. Интервью газете «Московская застава» Муниципального округа СПб. Май 2007. Светлана Задулина

Расскажите, генерал, о войне...

«Неправильно задаешь вопрос, лейтенант!»

Это сейчас он генерал-майор в отставке, и за плечами у него 40 лет службы в Советской Армии. А когда началась война, Александру Пыльцыну не исполнилось еще и 18-ти. Но, как и многие мальчишки той поры, вместе с друзьями он два дня стоял в очереди в военкомате, прося отправить его на фронт. Это желание, конечно, сбылось, но только через два года. Сначала были военно-пехотное училище, которое он окончил с отличием, и служба на Дальнем Востоке.

В 1943 году он, наконец, попал на Белорусский фронт, в составе которого воевал в 8-м Отдельном штрафном батальоне. Вот как вспоминает о назначении туда Александр Васильевич в своей книге «Штрафной удар, Или как офицерский штрафбат дошел до Берлина»: «Просмотрев мое тощее личное дело, майор вдруг сказал: „Пойдешь, лейтенант, к нам в штрафбат!“ Кажется, заикаясь от неожиданности, я спросил: „З-за что?“ И в ответ услышал: „Неправильно задаешь вопрос, лейтенант. Не за что, а зачем. Будешь командовать штрафниками, помогать им искупать их вину перед Родиной“.

Так, в числе 18 опытных офицеров, пополнивших батальон после тяжелых боев под Жлобином, в которых тот понес серьезные потери, оказался и он – лейтенант Александр Пыльцын. Самый молодой, как говорили, необстрелянный командир взвода, а затем и роты автоматчиков, а в роте той – до 200 бойцов-штрафников от младшего лейтенанта до полковника. Кстати сказать, не было среди них ни „разбойников“, ни „политических“, а были в подавляющем большинстве боевые офицеры. Их вина, по сегодняшним меркам – и не вина

вовсе, – скорее, трагедия: кто-то во время боя высоту не взял, кто-то проявил нерешительность. А потом еще, когда стали освобождать советскую территорию, в батальон стали прибывать окруженцы и пленные.

– Штрафные батальоны, – говорит Александр Васильевич, – самые стойкие. Бойцы владели оружием, знали, что такое офицерская честь. Их не надо было гнать в бой. Они без понуждения шли, по команде. Если и погибали, то с честью, если оставались в живых, то, возвратив себе доброе имя.

Конечно, на войне люди встречались разные. О них тоже помнит генерал.

– Как-то в окопы был направлен один штрафник из штаба батальона с поручением. Навстречу ему с термосом шёл к походной кухне за горячей пищей другой. Вот он и спрашивает гонца из штаба: «Хочешь золотые трофейные часы?» А на фронте, если вы знаете, был такой обычай («махнем, не глядя») меняться чем-нибудь зажатым в кулаке. После обмена становилось понятно, кому повезло больше. Вот и здесь: тот, что шел из штаба, сначала подумал, что ему предлагают обычный обмен. Оказалось: нет, не обычный. «Я вытяну руку, а ты метров с пяти ее прострели!» «Давай! Только ты сначала покажи часы». И когда второй поднял руку с часами, то услышал команду: «А теперь и другую руку поднимай! Я тебе

покажу, что не все такие продажные, как ты!» И так с поднятыми руками он и привел несостоявшегося «членовредителя», как называли тогда «самострелов» и подобных им, прямо в штаб к комбату. А там его передали в Особый отдел и трибунал…

Были и другие случаи. В последний год войны в батальон стали присылать некоторых штрафников из тюрем, которые просились на фронт. Один такой офицер ко мне в роту попал. Он мне говорит: «Я работал раньше в ресторане, умею готовить», и я отправил его на ротную походную кухню. Но через неделю пришел еще один – под 50 лет, по сравнению с первым – худой, бледный, явно не от кухни. Казалось, что он и автомат-то не удержит и бежать не сможет, а нам вскоре предстояло в Берлинской операции форсировать Одер. И решил я его назначить на кухню вместо того, первого. Мне стало жаль этого бойца ещё и потому, что он, как и я, не умел плавать. Погибнет сразу. Зато первый озлобился: «Ладно, капитан, посмотрим, кому пуля первая достанется». Что это было? Угроза? Или пожелание? Судьба распорядилась по-своему: мне и правда досталась пуля – меня ранило в голову, а он погиб.

Переправа, переправа…

– В феврале 1944 года две роты получили задание захватить плацдарм на другом берегу реки Друть, а для этого нужно было ночью перейти по льду реки и внезапно атаковать противника, выбить немцев из первой траншеи и, развивая наступление, обеспечить ввод в бой других армейских частей.

Лед на реке был побит снарядами, и мы в темноте, переходя реку, ногами проверяли его на прочность. В какой-то момент я провалился в полынью. Плавать не умел, а одет был в ватные брюки и телогрейку, они набухли от воды, и меня потянуло на дно. Спас меня штрафник-ординарец, который лег на цельный лед, подполз и протянул мне автомат. Я буквально двумя пальцами уцепился за мушку и так выбрался. А потом в обледенелой одежде вместе со всеми больше суток продолжал бой. Но одежда постепенно превращалась в ледовый панцирь, ноги и руки потеряли подвижность, мог вертеть свободно только головой. Наконец, командир роты капитан Сыроватский приказал двоим легко раненным штрафникам доставить меня в медпункт батальона.

Там наш доктор Степан Петрович и его помощник военфельдшер Ваня разрезали саперными ножницами мою одежду, растерли всего смесью спирта со скипидаром. Хорошую дозу спирта я принял внутрь, а потом надели на меня все сухое и теплое. Палатка вся была забита ранеными. Тогда они придумали: выкопали рядом с палаткой в снегу яму, положили в нее слой еловых лап, плащ-палатку и уложили меня. Потом укрыли сверху плащ-палаткой, ватником и засыпали снегом, оставив у головы отверстие, чтобы я не задохнулся. А я двое суток перед этим не спал, поэтому уснул мгновенно. Сколько проспал, не помню, но проснулся, раскопал свою берлогу – и хоть бы что! Даже насморка не было! Это был результат мобилизации внутренних сил организма, возникший от сверхнапряжения.

Слава Богу, что меня убило, а не утонул

– Случилось это в апреле 1945-го во время форсирования Одера. Тогда дивизия, которой нас подчинили, осталась на берегу, а штрафные офицеры должны были форсировать реку, чтобы отвоевать у немцев плацдарм, с которого позже смогло бы начаться наступление этой дивизии на Берлин. Переправлялись на другой берег на лодках из расчёта 4 человека на лодку. Немцы заметили нас и стали обстреливать артиллерийско-пулеметным огнем. Из 100 человек другого берега достигли не больше 20.

Как оказалось потом, часть лодок, изготовленных из не очень хорошо просушенных досок, сами по себе были настолько тяжелы, что не выдерживали тяжести четверых человек и начинали тонуть. Тогда, оставив в них оружие, штрафники выпрыгивали в студеную воду и плыли, держась за борта и преодолевая судороги. Не знаю, сколько их утонуло от переохлаждения, сколько погибло от немецких снарядов. Но все-таки часть бойцов достигала цели и на берегу вступала в бой. Высадившись на берег, и узнав, что повреждена рация, выхватил ракетницу и выстрелил, рассчитывая, что наши поймут: мы добрались и ведем бой за плацдарм. Бой был с немецкими танками и пехотой, после которого боеспособными нас оставалось уже человек 15. Тогда я принял решение отправить с радистами донесение комбату, что мы заняли оборону и нужна помощь авиации. Приказал также положить в лодку двух тяжелораненых штрафников, и, когда наклонился, чтобы передать донесение, у моего правого уха словно цыганский кнут щелкнул. Пуля попала в голову. Как было написано в госпитальной справке – **слепое пулевое ранение**. Я только успел угасающим сознанием осмыслить: ***«Слава богу, не утонул, а убило»***… Не умея плавать, больше боялся утонуть, чем быть убитым. С другого берега наблюдавшие в бинокль увидели, что я упал в воду, и решили: погиб. Штрафники положили меня вместе с ранеными в лодку, оттолкнули от берега и продолжили бой. А я через некоторое время пришел в себя. Вижу: один раненый уже умер и радист убит. Со вторым раненым штрафником и связистом кое-как прибились к берегу какого-то острова. Решил ползти в разведку. Вижу: окоп впереди, и думаю, если немцы, то первая пуля им, а вторую – себе, чтобы не оказаться в плену. И вдруг над окопом появляется чья-то голова с явно калмыцкими или бурятскими чертами лица в ушанке с красной звездочкой! Кажется, солдат страшно испугался окровавленного капитана, ползущего со стороны противника… Но это было спасение.

1 мая капитан Пыльцын был уже снова в строю, в своем батальоне. Долгожданную победу он встретил под Берлином и после войны остался служить в армии. Страна лежала в руинах, было голодно, тяжело. Но это было неважно, потому что случилось главное: перестали убивать, перестали приходить с войны похоронки. Это было самое настоящее счастье. Не только его, но и всех людей, переживших Великую Отечественную.

С тех пор прошли десятилетия. Сегодня, накануне праздника Победы, который страна отмечает в 62-й раз, спрашиваю Александра Васильевича, чего же, по его мнению, так и не дождались ветераны. Ответ был таким:

– Уважения к тем, кто принес Победу. Несколько лет назад я смотрел школьные учебники. Что в них осталось от Великой Отечественной войны? Почти ничего. Все больше появляется желающих пересмотреть итоги Победы, опошлить все, что было. Навязчиво внедряется дегероизация солдат Великой Отечественной, внушается, что победу они завоевали «не умением, а числом».

Вы спрашиваете, что у нас болит? Не только раны, душа болит. В прошлом году к празднику Победы всех ветеранов лишили льгот. В этом году заговорили о том, что необходимо убрать со Знамени Победы серп и молот. Но как нам быть, ведь они на всех наших

орденах и медалях? Теперь вот демонтирован памятник в Эстонии, подобное творится в Польше, да и в западных областях Украины. Трудно поверить, что все это делается от недомыслия. Это осознанное желание пересмотреть итоги Второй мировой войны. Обидно, когда это делают другие, но еще обиднее, когда это происходит в своей стране – той, которая положила столько жизней, выстояла и победила фашизм.

Легендарный рейд штрафбата. Освободители Рогачёва. Интервью Белорусскому Столичному ТВ. Февраль 2009

Белорусское Столичное телевидение из Минска во время одной из наших поездок в город Рогачёв снимало сюжеты для своего документального фильма на месте боев нашего штрафбата по овладению позиций противника на крутом берегу реки Друть, впадающей в Днепр у Рогачёва. Эта съёмка завершилась взятием телеинтервью, которое полностью записано здесь.

Каким получился фильм, и когда он выходил в эфир по Белорусскому телевидению, мы не знаем, но текст интервью приводим без купюр.

Ведущий интервью: Товарищ генерал, сегодня, 24 февраля – день освобождения Рогачёва от немецко-фашистских захватчиков, а Вы – участник тех боёв. Позвольте несколько вопросов по этому поводу. У меня есть часть вопросов обязательных, я просто их зачитаю. Первый вопрос касается непосредственно военных действий, но все они, наверное, достаточно общие.

А.В. Пыльцын: Можно считать, что именно сегодня прошло ровно 65 лет с завершения Рогачевско-Жлобинской операции, когда на берегу Днепра был захвачен достаточно солидный плацдарм, который потом позволил начать с него операцию «Багратион» и развить её вплоть до освобождения всей Советской Белоруссии, части Польши, Литовской и Латвийской ССР.

Но скажу вам, Рогачевско-Жлобинская операция завершилась тогда не так, как ее хотели завершить. Жлобин остался в руках у немцев и был освобожден именно в ходе операции «Багратион». А вот начало «Багратиону» было положено фактически этой Рогачевско-Жлобинской операцией, которая завершилась взятием Рогачева и захватом плацдарма на западном берегу Днепра. Когда я говорю о данной операции, я всегда упоминаю, что главной силой в ней были 120-я и другие дивизии 3-й армии под командованием генерал-лейтенанта Горбатова.

Хотя это и была армейская операция, как говорил сам командарм Горбатов, она имела огромное значение для всего Белорусского фронта. Несколько слов об участии нашего штрафбата в данной операции и лично моём: нам генерал Горбатов поставил отдельную задачу, потому что основные войска армии шли с фронта и должны были атаковать всю немецкую оборону на этом берегу Днепра. А нашему батальону была поставлена задача: не ввязываясь в бои с противником, прорваться через передний край в тыл к немцам и дезорганизовать всю их систему обороны, не допуская подхода резервов, взрывая склады боеприпасов, мосты, дороги и так далее. А поскольку я был командиром взвода в этом офицерском штрафном батальоне, да ещё в начале этого похода возглавлял разведвзвод батальона, то и на меня возлагались ответственные задачи. И вот батальон начал эту операцию с форсирования Днепра, недалеко от с. Гадзиловичи, преодоления немецкой обороны, прохода в тыл и собственно боевых действий во вражеском тылу.

В тылу противника мы действовали так дерзко, что те немцы, которых мы брали в плен, недоумевали, каким образом русские дивизии прорвались в тыл (они думали, что прорвались дивизии)… В течение 3 суток мы отвлекали на себя немецкое командование и часть их сил, а в это время генерал Горбатов организовал прямое наступление – в лоб. И вот таким образом был взят Рогачев. Не удалось тогда взять Жлобин, потому что в нем оставались крупные силы немцев, пришлось ему ждать освобождения ещё 4 месяца до начала операции «Багратион».

Вот таким оказался наш рейд по оперативно-тактическим войсковым тылам врага. Во время этого рейда потери батальона были сравнительно небольшими, но особенно заметными они были, когда нам пришлось вести бой при ликвидации какого-то крупного немецкого штаба и гарнизона в районе с. Мадора (1). О том, как там действовал наш штрафной офицерский батальон, я писал в своих книгах, одна из которых – «Правда о штрафбатах» – продавалась в Минске, потому что неправды о штрафбатах было много, вылитой и на экраны, и в печати. Сами знаете: было время, когда слово «штрафбат» было запрещенным. О них никогда ничего не рассказывали и не писали.

Довольно сжатая характеристика боевых действий батальона при выполнении такой необычной задачи дана Командующим 3 Армии генералом Горбатовым, в которой особым пунктом отмечено, что ***«за период боевых действий батальон уничтожил до 200 солдат и офицеров противника, до 40 различных машин, мотоциклов – 8, бронемашин – 1, танков – 1. Взяты трофеи в исправном состоянии: 1 автомашина, 2 пулемёта, 2 миномёта, 2 автомата. Кроме того освобождены из-под конвоя 250 чел. гражданского населения, угоняемых немцами… Своими действиями батальон нарушил нормальную связь и подвоз боеприпасов к линии фронта, создал панику в тылу противника, чем всемерно способствовал успешному наступлению наших частей…»***.

Ведущий: А что это были за люди и формирования вообще? Насколько их действия отличались и в какие условия они были поставлены?

А.В. Пыльцын: Уже, наверное, всем известен приказ № 227 Сталина «Ни шагу назад», на основании которого были сформированы штрафные роты и штрафные батальоны. Штрафной батальон – офицерская воинская часть; туда попадали только и исключительно офицеры, которые каким-то образом серьёзно нарушили дисциплину. Сразу поясню: в штрафные батальоны не направлялись ни дезертиры, ни бандиты, ни воры в законе, ни тем более политические заключённые из категории «врагов народа». Рядовыми бойцами батальона были, как правило, боевые офицеры, которые либо не выполнили боевую задачу либо сдали населенные пункты – в военное время законы очень строгие. За что в мирное время можно было получить выговор, за то можно было получить штрафбат во время войны. Казалось бы, многие попадали в штрафбаты за незначительные проступки, но даже такого рода ошибки в войне могли быть очень большим нарушением. Поэтому наш батальон был только

из офицеров, и весь этот 11-серийный фильм Володарского-Досталя про штрафбат, куда там всех направляли (солдат, сержантов, лагерников-уголовников), и даже командирами рот были «воры в законе», неверно отображает суть штрафбата. Ничего подобного не было и не могло быть. Командиром батальона во время Рогачевско-Жлобинской операции был подполковник Осипов Аркадий Александрович – грамотный офицер, окончивший курс Военной академии, имеющий боевой опыт финской и начала Отечественной войн. Поэтому ему удалось провести наш батальон через передний край немецкой обороны, как потом говорил генерал Горбатов: «Как канат сквозь игольное ушко».

Ведущий: Скажите, в составе этого батальона после Рогачевско-Жлобинской операции где еще вашему батальону удалось отличиться?

А.В. Пыльцын: Вы знаете, очень сложно ответить на этот вопрос, так как штрафным батальонам всегда ставилась очень сложная задача. В приказе Сталина № 227 говорилось о том, что штрафбат должен ставиться на наиболее трудные участки фронта с той целью, чтобы проштрафившиеся офицеры своей боевой деятельностью могли исправить свой грех, свои проступки и искупить свою вину перед родиной. Был у нас период, когда мы целый месяц стояли в обороне на юге Белоруссии, как раз на стыке северной части Украины и Южной Белоруссии, хотя оборона для штрафных подразделений – редкий вид боевых действий. Потом оттуда пошли в наступление на Брест.

Сделаю маленькое отступление. Штрафники сыграли немалую роль в освобождении Рогачева, потому что непосредственной прямой силой были 120-я гвардейская дивизия и другие войска 3-й армии. А наш батальон выполнял вспомогательную задачу в помощь частям, которые шли с фронта. Кстати говоря, в сам Рогачев наш батальон не входил, как и в случае взятия Гомеля. Это можно объяснить тем, что властям было не рекомендовано сообщать или в каком-то виде публиковать данные, что город освободил штрафной батальон. В нашем батальоне не побывал ни один корреспондент армейской газеты, не говоря уже о центральных, это было как бы «проклятое» место, если уж на то пошло. Никогда никто о нас не писал, и вот сейчас, когда поднимаются открытые публикации тех лет, нигде не найдется ни слова о штрафных батальонах. Поэтому я был немного удивлен, когда в Гомельском музее воинской славы не нашлось места даже командиру штрафного батальона Осипову, рогачёвцу по рождению и воспитанию, а в освобождении Рогачева и он сыграл немалую роль.

Также и в Бресте получилось. Брест мы не брали, мы его обошли, нам была поставлена задача – закрыть кольцо окружения и не выпустить немцев из этого кольца. Мы там почти 5 суток сражались; вы, скорее всего, читали не одну мою публикацию о том, как в день мы отбивали по 3, по 8 контратак немцев – это много. Мы подчас сдерживали практически беспрерывные атаки прорывавшихся сил противника. Ведь в Бресте было 4 дивизии, а мы – наш батальон и еще один полк 38 гвардейской стрелковой Лозовской дивизии, закрывали главный выход из кольца по дороге Брест – Варшава. Тем самым мы помогли войскам, идущим с фронта, освободить Брест и пленить оставшихся немцев.

История батальона очень богата, ведь он начал свой путь от Сталинграда и дошел до Берлина. Всего 2 офицерских штрафных батальона во всех Вооруженных Силах Советского Союза за время войны – наш и ещё 9 батальон Первого Украинского фронта, который формировался сразу после приказа № 227, – закончили свое существование только после Победы. Все остальные штрафные батальоны существовали полгода, год, максимально полтора года. А мы – фактически от Сталинграда до Берлина, все время от приказа «Ни шагу назад» до Победы.

Ведущий: Такой вопрос: боевые награды есть у вас? Помните, за что их получили?

А.В. Пыльцын: У кого? У меня? Вот они все, видите (показывает орденские планки на кителе).

Ведущий: Вы можете сказать, какая из них самая важная?

А.В. Пыльцын: Меня иногда ребятишки в школах спрашивают: «Какая у вас самая памятная награда?» А они все памятные. Потому что офицерам переднего края, награды зря не давались. А тем более в наших штрафных батальонах не было принято щедро награждать, даже командиров. Было принято так: если наградили полвзвода, значит, командир хороший – у него полвзвода героев оказалось, и командира награждали достойно. А у нас как? Награждали штрафников – только особо отличившихся. Потому что они отмывали позорное пятно перед родиной, искупали вину своим подвигом, возвращаясь в офицерский строй. Это была самая главная награда для него. А если он совершил подвиг значительнее, то можно и наградить. Главными наградами были медали «За отвагу», «За боевые заслуги», иногда ордена «Славы 3 степени». Правда, солдатский орден «Славы» не особенно любили штрафники: наградили орденом «Славы», восстановили в воинском звании майора или подполковника, а то и полковника, получил свои погоны, орден, прежние ордена, если были у него, вернулся в свою часть с новым орденом. А почему у него солдатский орден «Славы», наверняка в штрафниках рядовым побывал. Так что этот орден не был особо почитаемым, потому что выдавал офицера, был штрафником, а люди не хотели это открывать, потому что считали это пятном в своей боевой биографии.

За Рогачев я получил орден «Красной Звезды», за Брест – медаль «За отвагу», которую мы считали высокой наградой, хотя это и медаль, но это **отважная** медаль. Сам подбил танк, за него положен был по статусу Орден Отечественной войны, я его и получил. За Берлинскую операцию я получил, считаю, самый старший орден Боевого Красного Знамени, самый первый орден советской власти, первый орден Красной Армии.

Ведущий: Вот скажите, столько боев, о каждом мы сейчас не сможем поговорить, но вот когда у современного молодого человека спрашиваешь: «Чего ты боишься?», называют какие-то вещи, потому что многие не видели настоящего страха, страха военного. Был у Вас момент познать, что такое страх на войне?

А.В. Пыльцын: Я в своих книгах очень подробно коснулся этого момента. Людей с нормальной психикой, но без страха, я считаю, не бывает, это естественное чувство человека, но самое главное в человеке – уметь преодолеть этот страх. И вот когда мы были ещё под Жлобином, а я только прибыл на фронт в свой штрафбат, мне надо было пробежать из окопов до штаба батальона, куда меня вызвали. Когда я выскочил из окопа и побежал, в это время начался артиллери-йский немецкий налет, и я в открытом поле лег и ждал: не прилетит ли снаряд в меня. И вот так мне надоело, вокруг взрывы, меня не трогают… Думаю, скорее бы снаряд попал в меня, пусть разорвет на части, и на этом конец. А потом подумал: чего же я жду, какая разница, убьёт лежачего или бегущего. Преодолев чувство страха быть убитым, вскочил и побежал, несмотря на эти разрывы. И как только я побежал, артналет прекратился. То есть я сумел преодолеть этот страх перед снарядами немецкими.

Таким образом, в жизни часто приходилось идти в атаку, зная, что тебя могут убить. На войне привыкаешь преодолевать чувство страха. Тех, кто не смог это сделать, в нашем батальоне почти не было.

Ведущий: То есть это внутренний страх каких-то ужасов войны: убитых на глазах, трупов друзей, разорванных людей, или это уже было обыденностью и страха не вызывало?

А.В. Пыльцын: Вы знаете, если считать это ужасами войны, то какая война без этого. Сама война – это ужас, и когда у тебя на глазах разрывает твоего боевого товарища, это не редкость, такое часто бывает на войне. Таких ужасов было много; бежит с тобой человек, переговариваешься с ним, и вот – он убит. И теперь, после войны, когда уже снятся эти ужасы, во сне бывает страшнее, чем было там, сильнее переживаешь. А в рукопашный бой. Вы представляете, идем иногда человек 15-20, и навстречу такая же масса немцев… В ход шло все: от гранат до саперных лопаток. Бывали случаи, когда не знаешь, чем эта схватка

кончилась, кто кого победил. А потом соображаешь: вон там наших больше стоит, а немцев лежит: значит, мы победили.

Ведущий: Стоит ли помнить ту войну, может быть, ее просто забыть, не рассказывать о ней?

А.В. Пыльцын: Понимаете, человечество, к сожалению, так сформировалось, что одни государства хотят иметь больше, чем имеют, но поскольку, чтобы получить больше, надо отобрать у другого, вот так и начинается война. История человечества начиналась, видимо, с войн и, может быть, завершится войной. Можно забыть о том, как враг издевался над мирным населением, но ради чего забвение? Ради того, чтобы не повторилось? Едва ли в таких случаях не повторится. Важно помнить о том, что такое война, что такое устоять и не дать себя поработить. Это очень сложный момент.

Чтобы не повторилось, надо помнить. Поэтому я очень высоко ценю те мероприятия, которые принимаются в Белоруссии по сохранению памяти о войне, о героических поступках, потому что без них не воспитаешь поколение героев, патриотизма. Героизм и патриотизм воспитывается в человеке только на примерах.

Ведущий: По поводу Белоруссии. Российские войска время от времени участвуют в военных конфликтах. А Белоруссия достаточно спокойная страна, у нас нет военных конфликтов, зачем нам в таком случае армия? Рядом Россия, такая огромная держава, с которой мы дружим.

А.В. Пыльцын: Да, Белоруссия – один из форпостов всего славянского мира. Вся история говорит о том, что всегда есть руководители стран каких бы то ни было, которые хотят покорить славян, так вот, я думаю, что Белоруссия стоит заметным препятствием на пути к захвату славян, их недр земли. Несмотря на то, что Россия действительно свои войска посылает в горячие точки мира, идея организовать Российско-Белорусский союз настолько хороша, но почему-то очень медленно продвигается. Даже если государства наши не объединились, то армии постоянно взаимодействуют. Поэтому армии наши надо держать очень высокого качества. Армия нужна любому государству, особенно нам, славянам, потому что аппетиты на покорение славян у Запада, Америки, НАТО никогда не пропадали. Мне кажется, что армия Белоруссии, даже если смотреть со стороны – хорошая армия. Ведь в большинстве стран СНГ призывников отлавливают, а в Белоруссии – конкурс призывников. Это огромная разница. Любовь к армии воспитывается в Белоруссии как надо, поэтому белорусов считают самыми надежными и самыми упорными в отстаивании своей независимости.

Ведущий: И все же, зачем молодежи идти в армию? Может, пусть бы гуляли?

А.В. Пыльцын: В наше время был лозунг: ***«Если в армии не послужил, то какой же ты мужчина!»*** Армия закаляет мужской характер, армия учит жить, поэтому служить в армии не только долг, но и почет. Вот я и считаю, что молодому человеку обязательно нужно служить в армии. Я за 40 лет службы ни разу не пожалел о том, что служил. 40 лет службы были 40 годами закалки, может, поэтому я сейчас еще на ногах.

Ведущий: Спасибо! За всё, что Вы нам рассказали, за добрые отзывы и пожелания.

А.В. Пыльцын: И вам спасибо за беседу и хорошие вопросы.

Постскриптум:

По данным Интернет-ресурса «Подвиг народа» и выложенного там списка безвозвратных потерь 8-го ОШБ за период рейда батальона по тылам противника значатся погибшими во время рейда в тыл противника под Рогачёвом всего 56 человек, в том числе в районе Мадора 46 человек:

Постоянный состав

Ст. лейтенант Желтов Александр Матвеевич, агитатор, парторг батальона. Убит 22.02.44

Переменный состав (штрафники)

1. Айтворов Захар Козминович, лейтенант, убит 21.02.44 2,5 км ю. – вост. с. Мадора.
2. Алисов Николай Алексеевич, техн. – лейтенант, убит 23.02.44 на юж. опушке леса вблизи с. Мадора
3. Беликов Василий Яковлевич, мл. воентехник, убит 23.02.44 на юж. опушке леса вблизи с. Мадора
4. Белов Евгений Александрович, мл. лейтенант, убит 23.02.44 на юж. опушке леса вблизи с. Мадора
5. Беспалый Михаил Андреевич, лейтенант, убит 21.02.44 с-зап. д. Грабово
6. Борисов Анатолий Павлович, лейтенант, убит 22.02.44 в лесу южнее с. Мадора
7. Борляков Кузьма Михайлович, лейтенант, убит 21.02.44 на высоте 1,5 км ю. – зап. с. Мадоры
8. Бровин Сергей Иванович, ст. лейтенант, убит 23.02.44 на юж. опушке леса вблизи с. Мадора
9. Буценко Григорий Николаевич, санинструктор (?), убит 22.02.44 на опушке леса сев. д. Щибрин 1,5 км
10. Ведьгун Марк Тимофеевич, лейтенант, убит 22.02.44 на опушке леса сев. д. Щибрин 1,5 км
11. Вергун Анатолий Андрианович, ст. лейтенант, убит 23.02.44 на юж. опушке леса вблизи с. Мадора
12. Ветров Иван Тимофеевич, гв. лейтенант, убит 22.02.44 на опушке леса сев. д. Щибрин 1,5 км
13. Воробей Василий Васильевич, лейтенант, убит 23.02.44 на юж. опушке леса вблизи с. Мадора
14. Гансиор Владимир Антонович, в/врач 2 ранга, убит 21.02.44 ю. – зап. с. Мадора 1,5 км у дороги на Озерище
15. Гевлич Иван Васильевич, мл. лейтенант, убит 22.02.44 на опушке леса сев. д. Щибрин 1,5 км
16. Гранильщиков Владимир Андреевич, капитан и/сл. убит 23.02.44 на юж. опушке леса вблизи с. Мадора
17. Григорьев Виктор Георгиевич, лейтенант, убит 21.02.44 2,5 км ю. – вост с. Мадора
18. Девушкин Анатолий Андреевич, воентехник 2 ранга, убит 23.02.44 на юж. опушке леса вблизи с. Мадора
19. Душкевич Георгий Степанович, ст. военфельдшер, убит 23.02.44 на юж. опушке леса вблизи с. Мадора
20. Епишкин Александр Гаврилович, лейтенант, убит 23.02.44 на юж. опушке леса вблизи с. Мадора
21. Ерёмин Иван Петрович, ст. лейтенант, убит 23.02.44 на юж. опушке леса вблизи с. Мадора
22. Жигалев Дмитрий Иванович, лейтенант, убит 22.02.44 в лесу южнее с. Мадоры
23. Журавлёв Василий Александрович, лейтенант, убит 23.02.44 на юж. опушке леса вблизи с. Мадора
24. Иванов Василий Иванович, мл. лейтенант, убит 23.02.44 на юж. опушке леса вблизи с. Мадора
25. Калинский-Фридман Михаил Григорьевич, в/техн. 2 ранга, убит 23.02.44 на юж. опуш. леса вблизи с. Мадора
26. Кириченко Григорий Иванович, мл. лейтенант, убит 22.02.44 на опушке леса сев. д. Щибрин 1,5 км

27. Кучеров Яков Андреевич, ст. лейтенант, убит 21.02.44 на высоте 1,5 км. ю. зап. с. Мадора

28. Лабуз Александр Ефимович, мл. лейтенант, убит 22.02.44 на опушке леса сев. д. Щибрин 1,5 км

29. Ладыга Иван Григорьевич, мл. лейтенант, убит 23.02.44 на юж. опушке леса вблизи с. Мадора

30. Ларченко Прохор Степанович, техн-инт. 1 ранга, убит 21.02.44 2,5 км ю. – вост с. Мадора

31. Леоненко Пётр Матвеевич, мл. лейтенант, убит 21.02.44 на высоте ю. – зап. с. Мадора

32. Леонов Еремей Яковлевич, лейтенант, убит 22.02.44 в лесу южнее с. Мадора

33. Михайлов Иван Убасович, мл. лейтенант, убит 23.02.44 на юж. опушке леса вблизи с. Мадора

34. Михеев Андрей Ануфриевич, лейтенант, убит 22.02.44 в лесу южнее с. Мадора

35. Мурылёв Иван Васильевич, воентехник 1 ранга, убит 22.02.44 в лесу южнее с. Мадора

36. Недух Василий Михайлович, мл. лейтенант, убит 23.02.44 на юж. опушке леса вблизи с. Мадора

37. Олейников Яков Яковлевич, лейтенант, убит 21.02.44 на высоте ю. – зап. с. Мадора

38. Опенько Григорий Степанович, лейтенант, убит 21.02.44 2,5 км ю. – вост. с. Мадора

39. Пампущенко Иван Власович, военфельдшер, убит 21.02.44 ю. – зап. с. Мадора 1,5 км у дороги на Озерище

40. Печерский Николай Афанасьевич, ст. лейтенант, убит 21.02.44 на высоте ю. – зап. с. Мадора

41. Подшивалов Иван Васильевич, мл. политрук, убит 23.02.44 на юж. опушке леса вблизи с. Мадора

42. Поляков Пётр Филиппович, политрук, убит 23.02.44 на юж. опушке леса вблизи с. Мадора

43. Ребрин Александр Карпович, мл. лейтенант, убит 23.02.44 на юж. опушке леса вблизи с. Мадора

44. Сергеев Иван Иванович, военврач 2 ранга, убит 23.02.44 на юж. опушке леса вблизи с. Мадора

45. Середа Владимир Владимирович, лейтенант, убит 23.02.44 на юж. опушке леса вблизи с. Мадора

46. Симонян Атаб Абарцумович, мл. лейтенант, убит 23.02.44 на юж. опушке леса вблизи с. Мадора

47. Слесаренко Юман Максимович, мл. лейтенант, убит 23.02.44 на юж. опушке леса вблизи с. Мадора

48. Телятников Иван Терентьевич, мл. лейтенант, убит 23.02.44 на юж. опушке леса вблизи с. Мадора

49. Халько Архип Львович, лейтенант, убит 23.02.44 на юж. опушке леса вблизи с. Мадора

50. Хлыстко Александр Фёдорович, мл. лейтенант, убит 23.02.44 на юж. опушке леса вблизи с. Мадора

51. Чепелев Иван Иванович, гв. ст. лейтенант, убит 21.02.44 2,5 км ю. – вост с. Мадора

52. Чихрадзе Ирак-Ераст Яковлевич, мл. лейтенант, убит 23.02.44 на юж. опушке леса вблизи с. Мадора

53. Шевченко Василий Гаврилович, интендант 2 ранга, **погиб** 21.02.44 с. – зап. д. Грабово

54. Юранов Константин Тимофеевич, лейтенант, убит 21.02.44. на высоте ю. – зап. с. Мадора

55. Яковлев Иван Николаевич, воентехник 2 ранга, убит 23.02.44 на юж. опушке леса вблизи с. Мадора

А завтра была война. Интервью газете «Площадь труда», Санкт-Петербург. 18 июня 2009 г. Светлана Ульянова

Легенды о штрафных батальонах в Красной Армии появлялись оттого, что тема эта в советские времена была закрыта. Истории, надерганные из россказней штабных сидельцев или штатных дезинформаторов известных органов, стали трансформироваться в сомнительные статейки, которые появлялись в открытой печати. Штрафные батальоны, конечно же, были, заградотряды тоже. Наш рассказ о другом, – о том, как формировались офицерские штрафбаты и как они воевали. Об этом газете «Площадь труда» рассказал генерал-майор в отставке Александр Васильевич Пыльцын, который воевал в штрафбате, командуя штрафниками, ходил вместе с ними в атаки, участвовал в рукопашных схватках, терял боевых товарищей, был неоднократно ранен. Он автор известных книг «Штрафной удар, Или как офицерский штрафбат дошел до Берлина» и весьма популярной «Правда о штрафбатах».

После школьного бала

21 июня 1941 года после выпускного школьного бала в Облученской средней школе наш герой отправился с одноклассниками на станцию Бира, что недалеко, там же, на Дальнем Востоке, где располагался районный военкомат. Тогда большинство ребят хотели стать военными. Многие уже подали заявления о направлении их в танковые и авиационные училища или на флот, а Александр Пыльцын мечтал поступить в Новосибирский военный институт железнодорожного транспорта и стать инженером, поскольку происходил из семьи потомственных железнодорожников.

Прибыли в Биру в воскресный день, развлекались в парке, когда в 7 часов вечера (в Москве ещё было 12 дня) по радио раздался голос наркома Молотова, который объявил о начале войны. Тогда в военкоматы образовались очереди – и стар и млад рвались на фронт. Пыльцын с одноклассниками тоже были в их числе, но когда до ребят дошла очередь, выяснилось, что мест в военных училищах больше нет, и всем им суждено начинать службу рядовыми солдатами здесь же, на Дальнем Востоке, поскольку ждали, что стратегический союзник Германии Япония тоже пойдет войной на СССР.

Отслужив полгода в разведвзводе полка под Благовещенском, Александр Пыльцын получил направление в военное училище, из которого всего через 6 месяцев вышел лейтенантом и был оставлен служить в войсках пока ещё не действующего Дальневосточного Фронта.

Назначение

Как и многие офицеры, Александр регулярно подавал заявление с просьбой отправить его на фронт, в действующую армию. Наконец его желание исполнили. Сначала направили в 27 ОПРОС (отдельный полк резерва офицерского состава) Белорусского фронта. Потом приехал представитель из штрафного батальона, посмотрел личное дело и сказал: «Ну все, лейтенант, пойдешь к нам в штрафбат». Я удивился, говорю «За что?», а он отвечает: «Не за что, а зачем! Будешь помогать штрафникам искупать их вину перед Родиной». Отобрали нас из резервного полка 18 человек, причем 17 – офицеры-фронтовики, имевшие боевой опыт, ранения, награды, а один я, «необстрелянный», хотя и с Дальневосточного Фронта.

Поскольку штрафники – это категория в звании от младшего лейтенанта до полковника, по положению командовать штрафниками отбирали наиболее опытных офицеров и направляли туда, как правило, боевых офицеров, которые могут справиться с этим контингентом. А у молодого выпускника военного училища Александра Пыльцына в 1943 году боевого опыта еще не было. Так он получил власть над людьми, которые сами еще недавно были командирами и в званиях более высоких. Как такому молодому командовать офицерами? Александр Васильевич вспоминает: «Мне было всего 20 лет, и я, чтобы казаться старше своих лет, отпустил усы, старался быть заботливым командиром. У нас командиром батальона был тогда подполковник Осипов, ему всего-то было 35 лет, а казался он нам значительно старше, был очень внимательным к бойцам, и его все звали Батей.

Я брал пример с него и с нашего командарма – генерала А.В. Горбатова, который был весьма заботлив о своих подчиненных.

8-й ОШБ офицерский штрафной

Приказ И.В. Сталина № 227, получивший название «Ни шагу назад!», был издан «для укрепления дисциплины», – рассказывает Александр Васильевич. По этому приказу и стали создавать штрафные батальоны. Россказни о зеках и политзаключенных, и тех, кто был осужден на смертную казнь, которые, якобы тоже направлялись в эти батальоны, – чистой воды вымысел. «Наш штрафбат это батальон, сформированный из офицеров, там не было ни одного рядового, дезертира или членовредителя. Это были офицеры, которые как-то проштрафились, нарушили присягу или дисциплину. Много было из числа тех, которые бежали из немецкого плена, выходили из окружения и надеялись, что, перейдя линию фронта, снова будут воевать. Воевать их направляли, но, как правило, в штрафбаты, чтобы проверить истинные намерения и цели, не поддались ли они гитлеровскому влиянию».

Боевой путь Восьмого ОШБ (отдельного штрафного батальона) Первого Белорусского фронта, или как расшифровывали его остряки-штрафники «Восьмая Образцовая Школа Баянистов Первой Белорусской филармонии», начинался еще на Сталин-градском и Донском фронтах. Прошел он боевое крещение и на Курской дуге Центрального фронта, в беспрерывных боях за Северную Украину, всю Белоруссию, в освобождении Польши, воевал на территории Германии до самого Берлина. «Кстати, таких штрафбатов с боевой историей от Сталинграда до Берлина за всё время Великой Отечественной всего было 2 – наш Восьмой и ещё Девятый 1-го Украинского фронта, остальные существовали от нескольких месяцев до года с небольшим», – говорит Пыльцын.

Число штрафбатов соответствовало количеству фронтов, и на каждом фронте – свой батальон штрафников, в редких случаях два. Исключение составляли флот и авиация, там штрафбатов не было, поэтому осужденных трибуналом офицеров с тех родов войск направляли в обычные пехотные батальоны штрафников.

Традиционный штрафбат – это пехотный род войск, как и все стрелковые батальоны и полки. «К нам поступали летчики, танкисты, артиллеристы и даже моряки. Все рода войск были представлены, поэтому при штурме немецких позиций захватывали немецкое оружие и вели огонь из него по фрицам. Даже немецкие “Фердинанды” или танки в руках наших танкистов иногда гнали тех же немцев. Все специалисты у нас были. Попадали к нам поразному. Был у нас летчик, а угодил он в штрафбат за то, что, перегоняя с авиационного завода самолеты на фронт, один из его подчиненных решил проверить, как самолет ведёт себя, выполняя фигуры высшего пилотажа. Во время полёта он разбил самолет и погиб сам. А это – потеря для армии, ведь командир всегда отвечает за своих подчиненных. Вот и получил он 8 лет лишения свободы, и их заменили на 2 месяца штрафбата».

Этот летчик по фамилии Смешной был очень серьезным человеком. Он погиб при форсировании реки Одер. «Когда мы переправлялись на другой берег, рота у меня была около 100 человек, а на тот берег смогли переправиться около 20 человек. В том числе и он, Смешной. Он увидел, где залег немецкий фаустпатронщик, стрелявший по нашим лодкам, и вырвался вперед, чтобы подавить огневую точку. Немец бросился наутёк, но Смешной “догнал” его выстрелами. Фриц упал, летчик схватил фаустпатроны и подбил ими два немецких танка, идущие на нас. После этого остатки роты успешно пошли дальше. Но немец-фаустник был только ранен, и когда Смешной, продвигаясь вперёд, миновал фрица, тот приподнялся и разрядил автомат в спину Смешного. Все это было на моих глазах». Я просил представить его к званию Героя Советского Союза, но армейское командование документу хода не дало, заменив орденом Отечественной войны 1 степени. Вероятно, потому, что подвиг летчик совершил, будучи штрафником.

О сроках

В наших СМИ до сего времени считается, что если офицер попал в штрафбат, то выходов оттуда только два: либо ранение, либо гибель. Действительно, потери были очень большими, в среднем в 3, а в некоторых случаях и в 6 раз выше, чем в обычных стрелковых подразделениях, ведь эти подразделения направлялись на самые тяжелые участки фронта. Но наказание штрафбатом имело конкретные сроки, в зависимости от приговора трибунала или приказов начальников, которым предоставлялось право направлять в штрафбаты без суда, таких была почти половина штрафников-фронтовиков. Если по суду офицер получал 10 лет лишения свободы, то они заменялись тремя месяцами штрафбата, 8 лет и меньше – двумя месяцами, а 5 лет и меньше – месяцем штрафного батальона. У нас были офицеры, которые попадали в батальон и из тюрем. Война шла, и заключенные стали понимать, что в конце концов придет время и люди будут праздновать Победу. Многие потеряли своих близких, а они сами отсиделись в тюрьме или в лагере…. Наиболее сознательные просились на фронт, в расчете на то, что даже если он и погибнет, то его имя будет очищено от обвинений.

«Они неоднократно просились на фронт, их там несколько раз проверяли, истинны ли их намерения. В конце концов, эти офицеры, добившиеся замены тюремного или лагерного заключения отправкой в штрафбат, сами, без всякого конвоя, прибывали к нам в штрафной батальон и воевали, как правило, геройски, – говорит Пыльцын. – Относительно неправильной версии того, что штрафникам, дескать, другого выхода не было: либо быть раненным, либо умереть, то есть обязательно искупить вину своей кровью, скажу так: в 227 Приказе Сталина подобная фраза есть, но она, считаю, больше эмоциональна. Потому что в положении о штрафных батальонах первым пунктом было: из штрафного батальона офицер может выйти полностью восстановленным в офицерском звании, с соответствующими правами и должностью – если он совершит подвиг, то есть за боевые отличия, при этом предусматривалась и возможность награждения правительственными наградами, что у нас не так уж часто, но бывало; 2-й пункт – если он ранен; 3-й пункт – если он убит, погиб на фронте, то с него снималась всякая вина, и его родственники получали пенсию за погибшего офицера в том звании, в котором он был направлен в штрафбат.

Кроме того, освобождали и по истечении срока, если этот срок приходился на время боевых действий.

Конечно, очень многое на войне, как и в мирной жизни, зависит от руководителя, в армейских условиях – от командиров и начальников, и от их верности своему слову причём, чем выше его ранг, тем ответственнее его решение или приказ. Первая массовая акция по отчислению из батальона штрафников, искупивших свою вину перед Родиной, имела место после освобождения белорусского города Рогачева.

Тогда батальону была поставлена задача – прорваться через линию фронта и взять город с тыла. Если операцию провести не удастся, то активно действовать в тылу врага, отвлекая его на себя и разрушая коммуникации. Командующий 3-й Армии генерал Горбатов, кому был передан штрафбат на время этой операции, ставя задачу всему составу батальона, тогда сказал: «Независимо от того, ранены вы будете или нет, если задача будет выполнена, то командующий фронтом Рокоссовский и я, генерал-лейтенант Горбатов, гарантируем, что все, кто будет отлично воевать, будут освобождены “по первому пункту – за подвиг без ранений”. И вот из 800 человек примерно 600 ушли из батальона, не будучи ранеными в свои части досрочно, “по подвигу!”», – вспоминает Александр Пыльцын.

Сегодня с высоты прожитых лет, пережитых ранений и приобретенного опыта он не верит, что командиры, особенно более или менее высокого ранга, могут действовать по глупости или неведению: это всегда или умысел, или замысел. Пример тому – жуткая история

из 1944 года, когда на Наревском плацдарме в Польше, после того, когда был ранен комроты капитан Матвиенко, в командование ротой вступил Александр Пыльцын. После успешного выполнения боевой задачи на левом фланге и проявленные при этом боевые отличия, не дав передышки бойцам и отменив представление на досрочное освобождение, комбат Батурин, сменивший любимого командира батальона полковника Осипова, направил роту штрафников на правый фланг, где она пошла в атаку через необезвреженное минное поле. Рота задачу выполнила, но 80 % бойцов погибли или получили тяжелые ранения.

Несмотря на поданный рапорт о представлении штрафников к наградам за совершенные подвиги, до вмешательства командующего фронтом, маршала Рокоссовского, комбат Батурин не представил ни к наградам, ни даже просто к досрочному освобождению. «О том, что роту пустили преднамеренно на минное поле, якобы по приказу командарма Батова, сам комбат Батурин рассказал мне в первый День Победы 9 мая 1945 года на батальонном празднике на окраине Берлина, когда мы хорошо “расслабились”», – вспоминает Александр Васильевич.

Справедливости ради стоит упомянуть, что штрафники хоть и выполняли задачи повышенной сложности, но входить им не позволяли не только в столицы, но даже в большие или малые города, чтобы они не стали героями-освободителями. Слава не должна доставаться

проштрафившимся: они, как правило, были тараном, средством прорыва укреплений противника. Поэтому в исторических материалах о той войне практически отсутствуют свидетельства о взятии не только столиц и уж тем более Берлина штрафбатовцами, но даже таких городов, как белорусские Рогачёв, Гомель, Брест и других.

Об взаимном обращении

Сегодня появляются фильмы, рассказывающие о событиях той войны. Есть любопытные правдивые произведения, но есть и такие, где историческая достоверность начисто отсутствует. Так, в известном телесериале «Штрафбат», по мнению нашего ветерана, есть много не только ляпов, но и просто умышленных искажений. Вот одно из них, касающееся обращения между командирами и бойцами штрафбата. Как свидетельствует Александр Васильевич: «там показано такое обращение “гражданин лейтенант” или “Гражданин начальник”, как в тюрьме. Ничего подобного в офицерском штрафбате не было. У нас были отношения нормальные, уставные. Меня называли “товарищ лейтенант”, а для них, независимо от того, какого они были раньше звания, поскольку теперь они все рядовые, было другое обращение – “боец-переменник”. Потому что это был переменный состав штрафбата, а мы – постоянный состав. Причем, настолько постоянный, что после ранения мы, как правило, снова возвращались в батальон и продолжали делить всю тяжесть фронтового бытия, хотя за нами не было тех грехов, которыми были обременены штрафники». Но помимо уставных обращений были и неуставные… Александра Пыльцына, молодого ещё лейтенанта, прошагавшего со своими штрафниками пол-Европы под свист пуль и разрывы снарядов, бойцы, значительно превосходившие его и возрастом, а порой и боевым опытом, называли ШТРАФ-БАТЯ, а потом и просто БАТЯ. Догадайтесь, почему?

Откровенно о проблеме штрафных батальонов. Интервью Санкт-Петербургскому «Историческому клубу». Май, 2010 г. Доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор Андрей Вассоевич

Ведущий Андрей Вассоевич:

Сегодня мы затронем проблему, о которой на протяжении многих лет не принято было говорить. Это проблема штрафных батальонов в истории Великой Отечественной войны. Ни для кого не секрет: в так называемую застойную эпоху в радиоэфире, по телевидению и даже в газетных и журнальных статьях не разрешалось на протяжении многих лет упоминать штрафные батальоны. Это была фигура умолчания именно потому, что они были штрафными. А когда четверть века тому назад грянула «горбачевская перестройка», то тема штрафных батальонов стала, наоборот, набирать ажиотажную популярность, но при этом суть явления с каждой новой публикацией все более и более искажалась, и на сегодняшний день огромное количество людей в нашей стране имеет самое извращенное, самое искаженное представление о том, что же из себя представляли штрафные батальоны времен Великой Отечественной войны.

Сегодня в студии Санкт-Петербургского исторического клуба генерал-майор Александр Васильевич Пыльцын – командовавший взводом и ротой в 8 штрафном батальоне 1-го Белорусского фронта.

Ведущий: Александр Васильевич, поскольку юбилейные торжества позади, мы можем сегодня с вами откровенно поговорить о проблеме штрафных батальонов в годы Великой Отечественной войны. Что же в действительности представляли собой штрафные батальоны как структурные единицы Рабоче-крестьянской Красной армии?

А.В. Пыльцын: Штрафные батальоны – это отдельные офицерские штрафные батальоны. В отличие от штрафных армейских рот, которые тоже были учреждены приказом Сталина № 227 от 1942 года, известным как приказ «Ни шагу назад», офицерские штрафные батальоны ничего общего, кроме названия, с армейскими штрафными ротами не имели. Они состояли и комплектовались только офицерами. Я имею в виду офицерами-бойцами, которые за свои проступки, преступления, какие-то другие нарушения воинской дисциплины

были на время наказания (1-3 месяца) лишены воинских офицерских званий и рядовыми составляли основную массу штрафного батальона.

Ведущий: Спасибо, Александр Васильевич. Значит, в штрафных батальонах воевали только бывшие офицеры, лишенные на время наказания своих офицерских званий, но, естественно, не лишенные офицерского военного опыта.

А.В. Пыльцын: Во-первых, они не только бывшие офицеры, но и будущие офицеры, потому что каждый из них, искупив вину свою кровью или подвигом и, пожалуй, прежде всего, подвигом, получал все свои офицерские права вновь. Ему возвращалось воинское звание. Он шел на такую же должность, на которой он был до штрафного батальона. Возвращались ордена и медали, он мог получить орден или медаль за подвиг в самом штрафном батальоне.

Ведущий: Вам, Александр Васильевич, довелось командовать сначала взводом таких проштрафившихся офицеров, а потом уже целой ротой. Очень интересно узнать, как складывалась Ваша собственная военная биография.

А.В. Пыльцын: Моя военная биография родилась вместе с началом войны. Мы закончили десять классов средней школы за два дня до начала Великой Отечественной войны, и поэтому с окончанием школы началась наша военная жизнь. Мы сразу все оказались у военкоматов в очередях, чтобы быстрее попасть на фронт, и не только мы, молодежь, но и люди взрослые, с опытом. Через двое суток, в конце концов, нам довелось добраться до военкома, который нам сказал: «В военные училища (в которые мы стремились) мест нет. Они все заполнены, пойдете служить солдатами».

Конечно, мы обрадовались: поедем на фронт… Как тогда говорили, красноармейцами. Попали мы в войсковые части, только не на фронт, а там же, на Дальнем Востоке, потому что с Японией отношения были очень натянутые, напряженные, и нужна была армия и на Дальнем Востоке. Дальневосточный округ стал именоваться Дальневосточным Фронтом, хотя не действующим, но **фронтом**. Поэтому нас там держали, а потом через полгода я оказался в военном училище. Закончил военное училище по шестимесячному курсу. Закончил отлично, и нас, отличников, которым присвоили звание лейтенантов, оставили на Дальнем Востоке, как наиболее хорошо подготовленных, а всех младших лейтенантов, которые сдали экзамены не так блестяще, как мы, отправили на фронт, причем мы завидовали им и сожалели, что не нас отправили.

Ведущий: А как Вы с Дальнего Востока попали на Советско-германский фронт?

А.В. Пыльцын: Мы до конца 1942 года напряженно ждали: а вдруг Япония нападет на нас из Маньчжурии? А потом, после битвы за Сталинград, стало ясно, что Япония перестала стремиться к нападению, поэтому появилась возможность отправлять войска с Дальнего Востока на действующие фронты. Мы писали почти каждую неделю или не реже одного раза в месяц рапорта: «Хочу на фронт». Нас наказывали за это, мол, здесь тоже оставаться нужно, здесь тоже фронт. Мы говорим: «Недействующий». Нам в ответ: «Так он может завтра оказаться таким действующим, что не позавидуете сами». Короче говоря, в конце концов попали на фронт.

Ведущий: Из Вашего рассказа понятно, что Вы не только ничем не проштрафились в период Вашей службы на Дальнем Востоке, но и вообще были образцово-показательным офицером, который окончил с отличием военное училище. Как все-таки получилось, что Ваша дальнейшая воинская судьба оказалась связанной со штрафным батальоном?

А.В. Пыльцын: Штрафные батальоны создавались по приказу Сталина «Ни шагу назад». Но в положении о штрафных батальонах, разработанном генералом армии Жуковым (тогда он еще был в этом звании) и утвержденном Сталиным, Верховным главнокомандующим, было записано, что командный состав в штрафные подразделения подбирается из числа опытных боевых офицеров. Многих брали действительно уже имеющих боевой опыт,

после ранений из госпиталей или из резерва. Поскольку я еще боевого опыта не имел, но всё-таки служил на **Дальневосточном Фронте** («фронтовик» значит), видимо, и мою дальневосточную закалку учли (родился-то я дальневосточником и потомком сибиряков). И рост у меня был приличный, видимо, внешний вид у меня соответствовал. Понравился я тому, кто отбирал: «Пойдешь к нам в штрафбат, лейтенант». Я вначале опешил: за что в штрафбат? Я вдруг вспомнил только, что в штрафбат направляют провинившихся. Он говорит: «Командовать будешь штрафниками, помогать им искупать их вину перед Родиной». Вот так я и стал командовать ими.

Ведущий: Тогда у меня возникает вопрос, порожденный моей научной специальностью. Ведь Вы были молодым лейтенантом без боевого опыта, а Вам предложили командовать офицерами, которые прошли и огонь и воду. Безмерно трудно, потому что штрафников никто не прославлял. Ведь, наверное, это тоже было непросто подчинить своей воле людей, часть из которых были, наверное, и капитанами, и майорами…

А.В. Пыльцын: И даже полковниками…

Ведущий: Расскажите, как начиналась эта непростая работа.

А.В. Пыльцын: Начиналась с того, что я сам думал: как я могу командовать, молодой лейтенант, мне всего только двадцать лет? Подумал: младшими лейтенантами командовать я еще смогу или равного себе тоже смогу еще покорить. А вот майор, капитан, полковник – как я с ними смогу справиться, как я, лейтенант, могу командовать ими? Потом, когда нас привезли, дали подразделение, и когда я с ними познакомился, то понял, что это совсем не так, как сложилось у меня в воображении, будто это преступники, уголовники, да еще в таких воинских званиях… На самом деле, никакие они не уголовники были, в том понимании, в котором мы привыкли представлять уголовных заключённых. Там были только офицеры, лишённые на время пребывания в штрафбате своих воинских званий Вы представьте себе офицера, который был бы трижды осужден за воровство. Такого же просто быть не могло, он же тогда не был бы офицером. Или офицер, который бы занимался грабежом денег из банков или разбоем. Не было там таких людей. И то, что в этом, уже надоевшем всем «Штрафбате» Володарского, который он состряпал из сплетен и недостоверных слухов, присутствуют и бандиты-убийцы, и жулики, и воры в законе, и даже политические… У нас из таких не было никого. Кстати говоря, политических никогда не было в штрафбатах, их вообще даже к фронту близко не допускали. В армейские штрафные роты направляли большую массу людей из заключения, но, осуждённых, в основном, за мелкие преступления, не рецидивистов, да и то по специальному отбору, не всех желающих.

Ведущий: Александр Васильевич, итак, под Вашим началом, как командира взвода, а потом, как командира роты, оказались проштрафившиеся офицеры. А что это были за провинности? Понятно, что сталинский офицер и уголовщина – это были вещи малосовместимые. Но, все-таки, в ту пору за целый ряд провинностей наказывали очень строго. Расскажите на примере двух-трех случаев, как попадали эти офицеры в штрафбат, в чем они провинились?

А.В. Пыльцын: Надо сказать, что в военное время законы очень строги. И если в мирное время офицер мог получить гауптвахту на несколько суток, выговор, замечание, то в военное время все каралось строго. Поэтому попадали в штрафбат многие: одни по приговору, другие по приказу командира, потому что командирам дивизии и выше было предоставлено такое право направлять в штрафбат офицера без суда (рядовых и сержантов – правами командира полка и выше) за трусость, предательство, за какие-то другие нарушения воинской дисциплины во время войны. А были и совершившие какое-либо преступление. Например, один офицер, будучи раненым, оказался в госпитале и обнаружил, что находится недалеко от своего места жительства. Он написал письмо жене: «Я в госпитале, тяжело ранен, ты, пожалуйста, хоть на денёк приезжай меня навестить». И вдруг получает

от нее ответ: «Я не могу, у меня здесь такие обстоятельства складываются, что не могу приехать». Мужик заподозрил что-то неладное, сбежал из госпиталя через какое-то время, приехал домой неожиданно и застал жену со своим «обстоятельством» и обоих убил. За убийство ему присудили срок десять лет, а десять лет заменялись по приговору тремя месяцами штрафного батальона. Если до восьми лет, то, соответственно, два месяца давали, пять лет и меньше – один месяц «штрафа». Вот за это время в штрафном батальоне он должен проявить себя так, чтобы искупить свою вину перед Родиной и получить вновь свое офицерское звание. Второй пример: был такой офицер с Северного Флота, начальник мастерской по ремонту корабельных радиостанций, хорошо знал немецкий язык, за что и попал. Оказывается, когда отремонтировали радиостанцию, проверяя частотные диапазоны, наткнулся на речь Геббельса на немецком языке и говорит остальным: «Ой, ребята, Геббельс треплется!» – те спросили: «А что он там треплет?» Он начал переводить, потому что хорошо понимал немецкий. А назавтра за то, что он «способствовал» вражеской пропаганде, получил свои 2 месяца штрафного батальона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.